

ПЕРСОНА

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ:
Культура - 2008 - 29 июня - 5 июня - в. 14.

В моей модели мира обойтись без Бога почти невозможно

Наука и искусство — важные составные части цивилизации. Каждая из них обладает собственным аппаратом достижения цели. Если сфера ученого — наблюдения, эксперимент, логическое мышление, то деятель искусства руководствуется прежде всего эстетическим восприятием мира. В огромной степени это относится к поэзии, которая очерчивает и внешнее окружение автора, и его внутренний мир, и простые человеческие чувства, и размышления о судьбах сущего. Но есть люди, которые одарены способностью как фиксировать мир пытливым взглядом ученого, пытаюсь приоткрыть его тайны, так и образно описывать этот мир, свое видение прошлого, настоящего и будущего. Таков Александр ГОРОДНИЦКИЙ — ученый-геофизик с мировым именем, доктор геолого-минералогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института океанологии имени П.П.Шириова РАН, автор смелых научных гипотез. Он же — замечательный поэт, один из ведущих российских бардов, автор сотен стихотворений и песен, первый лауреат Премии имени Булата Окуджавы. В «творческом багаже» Городничьего — столь знаковые песни, как «Атланты», «Деревянные города», «Паруса «Крузенштерна», «Над Канадой» и масса других, многочисленные сборники стихов, мемуары. Мы встретились с Александром Моисеевичем вскоре после того, как в Москве, в Израильском культурном центре состоялась презентация его книги стихов «Родство по слову». Увидевшая свет в издательстве «Беседер» (Иерусалим), она содержит произведения, созданные с 1958 года по 2004-й. Разговор же начался с проблем, общих и для науки, и для поэзии.

— Какую роль вы отводите фантазии в научной деятельности?

— Без фантазии нет научной деятельности. Как сказал великий физик Поль Дирак по поводу одного из своих учеников, который перестал заниматься наукой и стал поэтом: для физики у него не хватило воображения. Воображение, фантазия — одна из главных вещей, которая необходима в науке вообще и в физике в частности.

Я — геофизик, занимаюсь физикой Земли и ее приложениями к различного рода геологическим фактам и событиям. А тут фантазия жизненно необходима. Безвременно погибший в 1960 году на реке Северной мой друг, блестящий ученый Станислав Евгеньевич Погребницкий (ему я посвятил песню «Перекачты»), сформулировал очень важную научную концепцию: в науке лучше работать под заведомо неправильную модель, чем вообще под никакую. Это глубоко верно, потому что если человек работает под модель, значит, он мыслит системно. Если модель будет опираться фактами или экспериментами, то viszont она сможет выдвинуть другую. А если он неизвестно для чего, просто так складывает в копилку и описывает факты, то он — не ученый, в результате получается телефонная книга.

У нас при Академии наук существует Российский фонд фундаментальных исследований, который дает гранты на такие исследования. В одном из руководств, как надо составлять заявки на научные гранты, чтобы они были удовлетворены, я вдруг прочитал: «Желательно, чтобы соискатели руководствовались известной фразой из книги Городничьего о том, что лучше работать под заведомо ложную идею, чем вообще под никакую». Имелась в виду моя книга «След в океане», где я цитирую Погребницкого. Так что это необходимо.

— Допускаете ли вы отход от материализма в науке?

— Да, конечно, и чем дальше — тем больше. Есть очень много вещей, которые вообще невозможно объяснить с позиций нашей прагматической науки, да еще ограниченной рамками диалектического материализма. И чем больше мы погружаемся в окружающий нас мир, тем более необходим нематериальный фактор. В свое время молодой Бонапарт спросил великого ученого Пьера Лапласа, верит ли он в Бога, на что Лаплас ответил, что для его модели мира Бог не нужен. А вот я сейчас сильно сомневаюсь, потому что в моей модели мира я без Бога обходиться почти не могу.

— Приходилось ли вам исходить в своей научной работе из тезисов, коренным образом противоречащих общепринятым, и в какой степени на вас давят догмы, сложившиеся в науке?

— В известной степени давят. Но, с другой стороны, будучи воспитан в свое время в духе физика, согласно которому континенты незбылемы (эту догму нам проповедовали и в школе, и в институте, и т.д. и т.п.), я все-таки вошел в отряд мобилистов, которые взорвали эту теорию, предположив устоявшиеся представления. То же отнюдь не и ко всем другим моим научно-фантастическим моделям. Например, моя идея Атлантиды полностью противоречит общей догматической идее о том, что она должна быть якобы найдена в Эгейском море. Я считаю, что ее следует искать только в Атлантическом океане...

— Первой версии придерживались Страбон, Кусто...

— Ну Страбон мало чего в этом понимал. А что касается Кусто, то, по его собственному заявлению, он — лишь ныряльщик и не знал, что же такое нашел. Я разговаривал с ним на эту тему за год до его смерти. Я имею в виду концепцию, которую поддерживают известные ученые Бэкон, Галаногулос, крупнейший российский вулканолог академик Евгений Евгеньевич Милановский. Они считают, что Атлантида если и была, то погибла в Эгейском море.

Я полностью отдаляюсь от этой догмы, у меня абсолютно альтернативное мнение. Есть две фразы Маркса, которые меня потрясли. Первую я взял на вооружение: «Подвергай все сомнению». А вторая... я был испуган, когда в прошлом году на Хайгейтском кладбище в Лондоне прочитал на его могильной плите надпись, суть которой: раньше философы старались объяснить мир, а его надо переделывать. Я не хотел бы переделывать этот мир, тем более что человеку это не по зубам.

— А как вы объясняете дар предвидения в искусстве?

— Я очень высоко ценю возможность эмоционального предвидения, эмоционального восприятия того, что еще не открыто наукой. Достаточно взять фантастические романы Жюль Верна и очень интересные идеи насчет биороботов у Станислава Лема, которые только еще должны быть реализованы в будущем. Я отношусь к этому с очень большим вниманием.

Однажды я сам стал жертвой такого предвидения. У меня было стихотворение «След в океане», опубликованное в журнале «Наука в СССР», который переводился на пять языков. С этим связана трагикомическая история, произошедшая в 1978 году. После публикации меня вызвали к полковнику КГБ, заместителю директора по режиму нашего Института океанологии имени П.П.Шириова. Оказалось, что уже полгода ведется переписка между ВПК, КГБ и Президиумом АН СССР по поводу того, что в моем стихотворении якобы сформулированы принципы совершенно секретных работ, которые ведутся в институте на самом деле и которые я «разгласил». Речь шла о возможности обнаружения подводной лодки по ее турбулентному следу. Подняли мое дело и установили, что я не имел и не мог иметь доступа к этим работам. Поэтому в отношении меня было дано указание: ограничиться «профилактическим вскрытием» и беседой. Видимо, все упиралось в следующие строки:

*Луна над бездною немой
Горит, как дальнее окошко.
Смотрю назад, где за кормой
Кружится водяная крошка.
Там пенный след вскипает, крут,
На дне бездонного колодца,
А через несколько минут
Волна волной перевернется.
С водою сдвинется вода,
Сотрет затейливый рисунок
Как будто вовсе никогда
Ее не вспарывало судно.
Ученые немало лет
Гадают на закрытой двери,
Как обнаружить этот след,
Чтоб лодку выследить, как зверя.
Среди безбрежной синевы
Их ожидают неудачи,
И нет решения задачи.*

Полковник спросил меня: «Как же вы в стихах с предельной точностью

сформулировали задачу обнаружения подводных лодок по их турбулентному следу? Как вы смогли?» А я только разводил в ответ руками.

— Как вы расцениваете свою книгу «Родство по слову» — как обзор творчества за несколько десятилетий или самоотчет? Как остановку в пути?

— С одной стороны, это действительно обзор того, что мне удалось написать за свою творческую жизнь. С другой стороны, несмотря на возраст, я не хотел бы ставить на себе крест, потому что сразу за «Родством по слову» в московском издательстве «Радуга» вышла книга стихов, написанных только за последние четыре года, — она называется «Время для хора». Там есть и новые стихи, которые я вставляю в новый обзор, если таковой появится. Поэтому я считаю, что моя «работа поэта» не закончена.

— Можно ли проследить, как у вас возникает замысел стихотворения: на основе прошлого опыта, под влиянием текущих событий или как синтез того и другого?

— Сразу скажу, что прошлый опыт здесь в принципе ничего не дает. Любое новое стихотворение приходится писать как бы на пустом месте. В поэзии нет прошлого опыта, он не помогает вообще. Каждый раз испытываешь, с одной стороны, увлечение, с другой — страх новизны: получится — не получится? Второе — никогда не знаю, с чего начать. Обычно начинается с какой-то мысли, волнения по какому-то поводу и, конечно, с какой-то строчки. Иногда начинает крутиться какая-то одна строка, я боюсь ее спугнуть и стараюсь дальше не писать, потому что обычно испорчу. Но знаю точно: если уж запишу, то, как клубок за ниточку, рано или поздно это стихотворение вытанется.

И еще один очень важный момент. Замечательный русский поэт Борис Абрамович Слуцкий, который себя считал моим ментором в том числе, однажды сказал нам, молодым поэтам: «Если, начиная писать стихотворение, ты знаешь, как его закончишь, брось и не пиши, это будут плохие стихи!». Я помню эти его слова.

— В какой момент вы чувствуете, что стихотворение может стать песней? У вас в голове сразу складывается текст для песни или?..

— Обычно с самого начала, потому что если строчка сразу наматывается на какой-то мотив или если мотив возникает одновременно со строчкой, — это точно песня. И тогда она идет по другим законам.

— Вы когда-нибудь учились музыкальной грамоте?

— Никогда и нигде. Так сложилась жизнь, потому что была блокада, война, и я был лишен музыкального образования. Потом было поздно, вместо музыкального я получил высшее техническое в Горном институте, но слух у меня есть. В прошлом году в Санкт-Петербурге в издательстве «Композитор» вышла книга «Атланты». Предисловие к этому нотированному изданию написал один из лучших композиторов современности, мой друг Сергей Михайлович Слонимский. Там напечатаны ноты более чем двухсот моих песен. Я — автор музыки, но ни одной нотной строки прочесть не могу, поскольку не знаю сольфеджио.

— Читая «Родство по слову», видишь переход от романтизма юности к глубоким философским обобщениям.

— Мои песни в свое время заросли и

так далее, а стихи практически никто не читал. Пока я был молод и достаточно глуп, стихи были достаточно плохими. Ко мне стихи пришли значительно позднее, чем песни. Лишь на протяжении последних десяти лет я начал подбираться к серьезным стихам.

— Для меня одно из любимых — ваше произведение «Песня серых гномов». Она написана еще в 1988 году, но это — про сегодняшний день.

— А ведь писал я ее совсем о другом! Конечно, когда я работал над ней, то подсознательно писал именно о том, что в итоге получилось. Но поводом для песни послужило совсем другое событие. В 1988 году очень известный сценарист Семен Лунгин, ныне покойный, предложил мне написать серию песен к спектаклю по знаменитой повести Астрид Линдгрэн «Ронья, дочь разбойника». Ее собиравался ставить Московский детский музыкальный театр, руководимый Натальей Сац. Я написал семь песен, однако по техническим причинам спектакль не пошел, и все эти песни «зависли». Речь шла о сказке: в скандинавском лесу жили маленькие нехорошие существа, самыми ужасными были серые гномы. Этими маленькими человечками, которые днем где-то прячутся и спят, а ночью просятся, собираются в большие банды и нападают на одиноких путников. Вот одна из строф:

*Мы — борцы-энтузиасты.
Человек — наш враг и — баста!
Словно волки, мы зубасты,
Ядовиты, как оса.
За отечество радея,
Изведем его, злодея.
Наша главная идея:
Бей людей — спасай леса!*

Ну происхождение последнего призыва, конечно, понятно. А реакция на эту песню была — будь здоров! Несколько лет назад я выступал в Самаре, где был избран депутатом Госдумы генерал Альберт Макашов, бывший командующий местным военным округом. Я вышел на сцену, да не где-нибудь, а в Доме офицеров, и сказал, что хочу посвятить эту песенку вашему депутату, бывшему командующему округом. Мне сказали: «Что вы делаете? Вас же убьют сейчас, на выходе! Уймнитесь!» Ничего, зал хохотал, хлопал, и — не убили.

— Это — к вопросу о предвидении. Так получилось, что написана песня почти 20 лет назад, а ведь она — иллюстрация к событиям сегодняшним.

— К сожалению, да. Вот недавно в моем родном Питере убили студента из Сенегала. Я был в этом городе, когда убили маленькую девочку. Я ездил в Мемориальную квартиру Пушкина на Мойке, там каждый год проходят мероприятия к годовщине гибели поэта. И молодежный 16-летний мальчишка рассказал мне, что они с товарищами организовали антифашистскую акцию. Тогда к ним в университет приехал прокурор и сделал втык: мол, нечего демагогией заниматься, никакого нацизма у нас нет, это хулиганство. Вот на кого они давят. А я ему сказал: «Молодец!» На что его отец: «Что вы мне сына подставляете! Ведь вы же для него — авторитет!» Я ответил: «Но вы же вырастили его таким, это вы его подставляете! Ваш сын — порядочный человек!»

Беседу вел
Валентин АЛЕКСЕЕВ
Фото ИТАР-ТАСС

А.Городничий